

— Серовато-синий не годится. Ткань, что приготовили для старой госпожи, замени... — Цзин Юньшу на миг задумался. — Замени на темно-зеленый парчовый шелк с золотым шитьем «долголетие».

Расхаживая по комнате, Цзин Юньшу наблюдал, как Чжун И заканчивает переписывать перечень даров.

— Больше ничего менять не надо, — проговорил он. — Подарков на праздники и так всегда в избытке, а сейчас мы всего лишь возвращаемся в Янчжоу — этого вполне хватит. Отошли список Мао Юну. Пусть доставит подношения в поместье Юнь за день до нашего приезда. И найди слугу посмышленнее, чтобы преподнес все как подобает да наговорил приятных слов.

Самому Юньшу было глубоко неважно, как к нему относятся в семействе Юнь. Однако там, в поместье, все еще жили госпожа Ань и его третья сестрица. Следовало соблюсти приличия и поберечь их покой, дабы уберечь от мелких притеснений и злых перетолков.

Излишняя щедрость развращает: дай человеку пригоршню риса — он станет благодарить на коленях, дай целый мешок — и он возненавидит тебя за то, что не дал больше. Юньшу всегда тонко чувствовал эту грань. Он знал меру, а потому без особого повода, если только не близился большой праздник, гостинцами поместье Юнь не баловал.

Вскоре явился управляющий с докладом: у ворот кто-то настойчиво просил встречи с хозяином.

По тому, как слуга описал незваного гостя, Юньшу сразу признал израненного незнакомца, которого выходил божественный лекарь Цинь Юнван. Стало любопытно, зачем этот человек разыскивает его.

— Куда прикажете его проводить, молодой господин? — спросил Чэнь Лян.

Цзин Юньшу глянул в окно на заснеженный двор.

— Сегодня хоть и сыплет снег, но ветра нет. Куда теплее, чем вчера, — Юньшу указал в сторону раскинувшегося впереди сада Цзинмин. — Проводи его в беседку Парящих Мыслей.

— Слушаюсь, — отозвался Чэнь Лян.

— Чжихуа, Чжимо, — позвала Чжили, — ступайте за распорядителем Чэнем. Обустройте там все как следует, завесьте проемы войлоком, чтобы внутри было тепло.

Несмотря на хрупкое здоровье, Юньшу обладал на удивление острым слухом и зрением, которому позавидовал бы иной мастер боевых искусств. Еще издавек он заметил высокую, стройную фигуру гостя, ступившего на дорожку сада Цзинмин. Обычная грубая роба

простолюдина не могла скрыть сквозящую в каждом его движении хищную, опасную силу. Разглядывая незнакомца при ясном дневном свете, Юньшу невольно поморщился:

— До чего же уродлив...

— Велеть ему прикрыть лицо маской, чтобы не тревожить взор молодого господина? — негромко рассмеялась Чжили.

Юньшу покачал головой и сделал глоток теплого чая.

— Обычным клинком такую рану не нанести. Похоже на след от сильного ожога, да еще и сдобренного ядом, — задумчиво протянул он.

Чэнь Лян вежливо поклонился, пропуская гостя вперед:

— Молодой господин, это он.

Мужчина также склонился в глубоком поклоне. Голос его прозвучал на удивление низко и бархатисто:

— Приветствую молодого господина.

— Подними голову, — негромко велел Юньшу.

Тот повиновался. В миг, когда его взгляд встретился со взглядом Юньшу, в глубине его глаз промелькнуло едва заметное сомнение, но лицо осталось непроницаемым.

— Управляющий доложил, что ты настойчиво искал меня. Что привело тебя в мое поместье?

Гость бережно извлек из-за пазухи небольшой сверток и, развернув ткань, явил свету нефритовую подвеску.

— Недавно я узнал, что молодой господин является покровителем лечебницы лекаря Циня, — заговорил он. — В лесу я повздорил с одним охотником из-за добычи и получил ранение, но господин Цинь спас мне жизнь. Платить мне нечем, и от этого на душе у меня беспокойно... Покойный отец с малых лет наказывал мне не оставаться в долгу за проявленное милосердие. Эта подвеска — безделушка, ценность ее невелика, но умоляю вас принять ее в знак моей признательности. Лишь тогда моя душа обретет покой.

Речь его текла путано и нескладно — гость явно сильно нервничал, однако суть дела Юньшу уловил сразу. Рассматривая стоящего перед ним человека, он невольно поймал себя на легком

удивлении. Забавный случай: в мире, где каждый второй сокрушается об упадке нравов, нашелся чудака, который сам настойчиво навязывает плату за милосердие. Оказывается, благородство и верность долгу еще не вывелись окончательно.

Раз этот человек сумел разыскать его личную усадьбу, он наверняка имел представление о богатстве ее хозяина. И все же явился сюда, чтобы отдать какую-то подвеску. Живи Юньшу в своем прежнем, современном мире, он лишь посмеялся бы над подобной наивностью, заподозрив обман. Однако здесь, в древности, люди порой шли на плаху ради того, чтобы отплатить за чашку риса. Оттого и сейчас ему хотелось верить в искренность этого жеста.

Тем не менее Юньшу не испытывал нужды в дешевых украшениях.

— Пустяки, не стоило беспокойства, — мягко ответил он, отклоняя дар. — Твое рвение даже смущает меня. Живи спокойно, восстанавливай силы. А если решишь вернуться в родные края, ступай к нашему счетоводу — он выдаст серебра на дорогу. Подвеску же прибери. Вещь, которую человек постоянно носит при себе, наверняка дорога его сердцу как память.

Незнакомец, однако, не отступал. Он заметно смутился, покраснев даже под шрамами, и с еще большим упорством протянул нефрит на раскрытых ладонях:

— Прошу вас, примите! Для меня это крайне важно.

Пальцы Юньшу, бережно поглаживавшие резные звериные ушки на теплой нефритовой грелке, замерли. Он внимательно, с прищуром взгляделся в лицо собеседника.

«До чего же упорствует... Словно спешит избавиться от краденого», — подумал он. Принимать сомнительные подношения Юньшу не собирался, а потому просто промолчал, давая понять, что разговор окончен.

Он не любил тратить слова впустую. Раз уж он дважды ответил отказом, а гость упорно не желал внимать голосу разума, пускаться в дальнейшие уговоры не имело смысла. Плотнo прижав к себе теплую грелку, он поднялся со своего места.

— Я устал, — сухо бросил он и, не терпящим возражений жестом прервав беседу, направился к выходу из павильона.

В этот момент гость резко подался вперед и, прежде чем кто-то успел опомниться, бесцеремонно сунул нефрит Юньшу прямо за пазуху. Чжун И в это время занимался сборами каравана в Янчжоу и находился далеко. К тому же все происходило в глубоком третьем дворе усадьбы — Юньшу и помыслить не мог, что в собственном охраняемом доме кто-то решится на подобную дерзость. Он попросту не успел среагировать. Служанки испуганно ахнули, но незнакомец, всучив подвеску, круто развернулся и стремительно зашагал прочь.

— Дерзкий мерзавец! Я сейчас же велю его изловить! — вскинулся перепуганный управляющий.

Юньшу не спеша извлек навязанный подарок и покачал головой:

— Оставь его. Раз он ушел с такой легкой душой, значит, не боится погони. Да и что ты с него возьмешь?

Он поднял вещицу к глазам, рассматривая при тусклом зимнем свете.

Это был плоский нефрит формы «куриное сердце» — довольно посредственного качества, мутно-белый, с грязновато-желтым отливом и редкими бурыми прожилками. Резчик придал камню очертания персика: на одной стороне красовалась тонкая резьба в виде рыбы, выпускающей изо рта символ исполнения желаний — руи, на другой — летучая мышь, бережно обнимающая плод. Узоры сулили долголетие, счастье и достаток — традиционное пожелание любящего сердца.

Если не считать искусной, кропотливой работы мастера, сама безделушка не стоила почти ничего — подобную вещицу могла позволить себе любая мало-мальски зажиточная семья. Пожалуй, опасения насчет краденого были напрасными.

«А ведь упрям этот уродец, не отнимешь, — усмехнулся про себя Юньшу. — Но намерения у него, похоже, и впрямь чистые».

Он протянул камень служанке:

— Спрячь пока, Чжили. Кто знает, может, когда этот малый разбогатеет, он еще вернется, чтобы выкупить его обратно.

Девушка бережно приняла нефрит, повертела в руках и улыбнулась:

— Обязательно вернется, молодой господин. Вещица старая, намоленная. Не удивлюсь, если это семейная реликвия, которую родители наказали ему сберечь для суженой.

Юньшу с любопытством приподнял бровь:

— И как же ты это разглядела?

Чжили указала пальчиком на шелковый шнур, вдетый в ушко подвески:

— Молодому господину, как мужчине, такие тонкости неведомы. Посмотрите на этот узор:

шнур завязан узлом единого духа. Такое плетение предназначается исключительно для тех, кого любят всем сердцем.

— Вот как? — протянул Юньшу. — Что ж, тогда тем более береги ее пуще прежнего.

Дни пролетели незаметно, и вот настал назначенный час отъезда.

Юньшу не любил спешки. Караван двигался неспешно, с частыми остановками, и лишь спустя полторы недели перед путниками наконец выросли величественные стены Янчжоу.

Янчжоу по праву считался сердцем Хуайнаня, его политическим и торговым средоточием. Раскинувшись на пересечении Великого канала и полноводной Янцзы, он манил купцов и путешественников со всех уголков Поднебесной. В народе говорили: «Меж реками Янцзы и Хуайхэ нет града величественнее и богаче древнего Гуанлина». И это не было преувеличением: Янчжоу сиял роскошью, прочно удерживая звание одного из главных мегаполисов империи Чжао.

Административное деление империи Чжао строго ранжировало округа по семи разрядам: столичные, великие, знаменитые, стратегические, высшие, средние и низшие. Если отбросить столичные земли, окружавшие императорский двор, Янчжоу гордо занимал вторую ступень — он считался великим округом. Не зря здесь располагалась ставка великого главнокомандующего, что подчеркивало колоссальное военное и политическое значение этих мест.

Известно, что в прежние века казна пополнялась за счет соляного налога едва ли не наполовину. Однако законы Чжао, регулирующие выдачу соляных патентов, отличались мягкостью. Янчжоу, испокон веков державший в своих руках ключи к соляным приискам, снабжал дешевой солью даже беднейшие крестьянские дома, а уж местные соляные воротилы и вовсе купались в немыслимой роскоши.

Обычные горожане тоже не знали нужды, наслаждаясь сытой и привольной жизнью. Столы ломились от изысканных вин и яств, редких даров моря и лесных дебрей. Заморские вина и пряные угощения кочевников прочно вошли в обиход даже простых обывателей, а предприимчивые владельцы питейных лавок, привлекая прохожих, охотно нанимали на службу чернооких чужеземных танцовщиц. Улицы пестрели нарядными теремами и расписными галереями, а окна публичных домов и чайных лавок, по меткому слову поэтов, манили «жемчужными пологами на десять ли окрест».

Рассказывали, что один лишь местный торговец снадобьями, почтенный Чжан, выстроил себе усадьбу столь пышную, что «врата ее сияли великолепием, а челядь у порога блистала убранством, точно у знатного вельможи». Каждое его домашнее застолье, устроенное без всякого повода для горстки приятелей, превращалось в пышное празднество с приглашенными комедиантами, фокусниками и прекрасными певицами.

К тому же поэты тех лет обладали славой, превосходящей любые зазывающие речи заморских торговцев. Строки, слетавшие с их уст, мгновенно разносились по Поднебесной: «Огни мостов взмывают до небес, а мачты речного порта задевают звезды», «Тысячи ламп ночного базара спорят с облаками, а с балконов высоких теремов манят гостей алые рукава красавиц», «Двадцать четыре моста под ясной луной...» — эти живые картины туманных речных заток кружили головы благородным мужам, заставляя их, бросив все дела, стремиться в эти края со знаменитыми словами: «В весенней дымке третьего месяца уплыть в Янчжоу».

Юньшу никуда не торопился. Когда он только покидал Юго-Запад, генерал Янь Ю самовольно выделил отряд конников для его охраны. Проведя в пути по казенному тракту около четырех дней, спутники пересели на речное судно — так дорога обещала быть куда быстрее и, что немаловажно для слабого здоровья Юньшу, намного ровнее, без тряски.

— Лодочник рассказывает, завтра к полудню причалим к пристани Янчжоу, — Чжили бесшумно скользнула в каюту. — Позвольте мне потихоньку прибрать дорожную утварь, что больше не понадобится?

Юньшу, лениво полулежа на мягкой кушетке и прижимая к груди грелку, устало прикрыл глаза и вяло махнул рукой:

— Делай как знаешь, на твое усмотрение.

Заметив его бледность, служанка тут же отложила шитье. Она торопливо потерла ладони, согревая пальцы, и осторожно прикоснулась ко лбу молодого господина.

Юньшу слабо улыбнулся, разгадав ее тревогу:

— Не беспокойся, жара нет.

— Отчего же тогда в вас совсем жизни нет? — покачала головой Чжили. — Где-то ломит? Может, голова кружится?

— Оставь, — отмахнулся Юньшу. — Станет совсем скверно — скажу.

Своим новым телом он, признаться, был вполне доволен. Пусть хрупкое и болезненное, оно все же превосходило его прежнее, изможденное врожденным пороком сердца в той, прошлой жизни. Он берег себя как мог, но многодневная дорожная суeta и качка на воде лишили его сна. Тело ныло от истощения, в костях поселилась противная, знобящая слабость.

Чжили кусала губы от тревоги. Впрочем, сидевший у окна лекарь Цинь Юнван с самым невозмутимым видом раскладывал перед собой камни для игры в го. «Раз уж божественный лекарь спокоен, то и мне паниковать не пристало», — рассудила служанка.

— Позвольте, я сварю для вас кислый суп? — предложила она. — Хоть немного аппетит разыграется.

Юньшу немного подумал и кивнул:

— Пожалуй. Сделай милость.

Кислый бульон, сваренный по его особому рецепту, удался на славу: в нем золотились хлопья взбитого яйца и тонкие лепестки домашней лапши. Острая нотка приятно покалывала язык, но главенствовала здесь бодрящая, чистая кислинка. Желудок Юньшу благодарно отозвался на это тепло, и он с удовольствием осушил небольшую пиалу.

Увидев, что молодой господин ест с аппетитом, Чжили облегченно вздохнула. Оставив его отдыхать, она поспешила на палубу — распорядиться насчет сундуков.

<http://bllate.org/book/18296/1759099>